

The colonial division of Africa and the reaction of imperial Russia

T. S. Denisova¹, S. V. Kostelyanets¹

¹Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-18-31

Research article
Full text in Russian

The history of the African continent, perhaps more than of any other, is full of cataclysms and turning points that radically changed the lives of indigenous peoples and predetermined the course of their further development. In the 15th–18th centuries, these were the large-scale penetration of Europeans into Africa and the slave trade, which brought untold disasters to the inhabitants of the continent. In the 19th century, Africa began to become a market for industrial goods, a sphere of capital investment, and a source of raw materials for Europe. Russia did not participate in colonial conquests, but as a powerful player in the political arena of that time, it closely followed the events on the continent.

The authors of the paper focus on the reaction of imperial Russia to the colonial division of Africa and the results of the Berlin Conference of 1884–1885, which has not been sufficiently explored to date.

Keywords: Russia; Africa; colonial division; Berlin Conference of 1884–1885; Russian 19th century press

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Denisova, Tatyana S. | E-mail: tsden@hotmail.com
Cand. Sc. (History)

Kostelyanets, Sergey V. | E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com
Cand. Sc. (Politics)

Колониальный раздел Африки и реакция на него имперской России

Т. С. Денисова¹, С. В. Костелянец¹

¹Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-18-31
УДК 94(100)

Научная статья
Полный текст на русском языке

История Африканского континента насыщена катаклизмами и переломами, радикально изменившими жизнь коренных народов и предопределявшими ход их дальнейшего развития. В XV–XVIII вв. таковыми были масштабное проникновение европейцев в Африку и работорговля, принесящая жителям материка неисчислимые бедствия. В XIX в. Африка стала для Европы рынком сбыта промышленных товаров, сферой приложения капиталов и источником сырья. Россия не участвовала в колониальных захватах, но в качестве могущественного игрока на политической арене того времени внимательно следила за событиями на Черном континенте. В фокусе внимания авторов статьи – недостаточно исследованная к настоящему времени реакция имперской России на колониальный раздел Африки и на итоги Берлинской конференции 1884–1885 гг.

Ключевые слова: Россия; Африка; колониальный раздел; Берлинская конференция 1884–1885 гг.; российская пресса XIX в.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова, Татьяна Сергеевна	E-mail: tsden@hotmail.com Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН.
--------------------------------	--

Костелянец, Сергей Валерьянович	E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социально-политических исследований, Институт Африки РАН.
------------------------------------	---

Колониальным завоеваниям Африки в XIX в. и ее разделу, оформившемуся в ходе Берлинской конференции (15 ноября 1884 – 26 февраля 1885 г.), посвящен ряд работ отечественных историков-африканистов. Большая их часть увидела свет в 1960–1970-е гг. [1–3]. Позднее тематика «колонизации» начала вытесняться более «актуальными» проблемами на-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ционально-освободительной борьбы и политического и социально-экономического развития африканских стран в условиях неокOLONиализма [4]. Интерес к истории колонизации Африки вновь возрос в последние годы в связи с набиравшими обороты дискуссиями по поводу основных характеристик колониализма и неокOLONиализма, отличий второго от первого и степени влияния пережитков колониализма на современную жизнь континента [5]. И если в трудах 1960–1970-х гг. по истории Африки материалы, опубликованные в российских журналах и газетах XIX в., хотя и нечасто, но все-таки использовались, в более поздних работах этот источник информации почти полностью игнорировался.

Интерес россиян к Африке возник еще в XIV–XV вв. в связи с паломничеством в Святую Землю и на Синай, где русские встречались с африканцами, и, благодаря рассказам путешественников, заметно оживился после открытия в 1869 г. Суэцкого канала и обострившегося соперничества между «великими державами» за контроль над стратегически важными районами побережья Красного моря, Баб-эль-Мандебским проливом, Аденским заливом и др. К обладанию ими Россия не стремилась, но как «морская» держава была заинтересована в сохранении мира в регионе.

В ходе Берлинской конференции (ее также называли «Конференцией по Конго» или «Западноафриканской конференцией») участники, представители 13 государств (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Османская империя, Португалия, Россия, США, Франция, Швеция–Норвегия) и Международной ассоциации Конго, созданной в 1879 г. королем Бельгии Леопольдом II, после ожесточенных дискуссий утвердили ряд общих принципов африканской политики. Было решено, что любая держава сможет обладать теми или иными территориями, если она их «эффективно оккупирует» и своевременно отправит прочим участникам «колониального проекта» соответствующие извещения. Захват неподеленных земель выдавался за своего рода норму международного права.

Россия не принимала участия в колониальном разделе, но имела на конференции своих представителей, в т. ч. дипломата Петра Алексеевича Капниста и ученого-правоведа, специалиста по международному праву, представителя Министерства иностранных дел Фёдора Фёдоровича Мårtенса, поэтому получала сведения о ходе конференции из первых рук – отчасти благодаря публикациям последнего в российской печати. В ноябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1885 г. в статье, посвященной Берлинской конференции, он отмечал, что к концу XIX в., «когда уже можно было говорить о заметном прогрессе во всех жизненно важных аспектах человеческого развития, и культурные стремления народов обусловили принятие множества международных соглашений, предполагающих установление общих порядков и принятие общих мер по борьбе с различными опасностями, например с эпидемиями, угрожаю-

щими всем народам, по охране всемирного духовного наследия, когда народы осознали необходимость объединить силы для удовлетворения своих потребностей, наряду с такими отрадными тенденциями в международной жизни мы вдруг увидели, что все это происходит на фоне грозowych туч, которые могут разразиться опустошительными войнами и ужасным кровопролитием, нарушением законных прав других народов и столкновением с другими государствами» [6, с. 187].

Таким образом, журнал ставил вопрос о разумности колониальной политики. Действительно, с одной стороны, приобретение колоний вроде бы было необходимым – и Россия признавала это – для развития европейской торговли и промышленности, так как колонизация предполагала появление новых рынков сбыта. С другой, как указывалось далее в статье, колонизация могла ослабить европейские государства, требуя от них материальных и человеческих жертв, которые не могли окупиться торговыми выгодами. Ф. Мартенс, точку зрения которого мы можем воспринимать как официальную, вполне правильно прогнозировал дальнейшие события: «как только колонии дойдут до такого состояния, при котором смогут позаботиться о себе, они изгонят колонизаторов» [6, с. 191].

Действительно, через 70 лет после публикации его статьи Африка начала освобождаться от колониальной зависимости. Впрочем, как подлинно имперский чиновник Мартенс больше переживал за колонизаторов-европейцев, нежели за африканцев, отмечая, что колониальные захваты всегда вызывали ожесточенные войны между европейскими державами, а потому лучше было бы от колоний отказаться. Тем более что если бы метрополия пожелала получить большие выгоды от обладания колониями, она должна была бы их нещадно эксплуатировать, и тогда жители колоний стали бы рассматривать европейцев как своих врагов и стремиться всеми способами от них избавиться. А если бы, наоборот, эксплуатация не происходила, то не было бы необходимости для метрополии приносить жертвы ради учреждения и сохранения колонии: последняя и так стала бы торговать со странами, которые дали бы большую цену за ее продукцию [7].

Вместе с тем в российских журналах и газетах: «Ниве», «Русском вестнике», «Московских ведомостях» и др. – с сочувствием и иронией отмечалось, что ни один европеец не поселяется в колонии навсегда, так как стремится лишь нажить по возможности скорее состояние и возвратиться на родину, чем объясняется дерзкое и высокомерное отношение к традиционным правителям, которых заставляют силой оружия или обманом признавать за иностранцами всевозможные привилегии и права. Так европейцы распространяют «блага» европейской цивилизации на африканские народы.

Ф. Ф. Мартенс в «Вестнике Европы» отметил ряд позитивных решений Берлинской конференции: намерение запретить работоторговлю, содействовать всестороннему развитию местного населения, заняться про-

свещением и распространением научных знаний среди африканцев и т. д., хотя отмечал, что, несмотря на «старания» европейцев, уже начавших осваивать континент, рабство и работорговля повсеместно сохранялись, что противоречило всем законам «справедливой» колониальной политики [7, с. 525].

Созыв конференции был вызван столкновением интересов европейских государств в бассейне р. Конго. Излагая причины ее созыва, российские журналы отмечали, что еще в сентябре 1876 г. бельгийский король Леопольд II пригласил в Брюссель наиболее известных путешественников по Африке, географов и других лиц, чтобы вместе с ними определить меры, которые наилучшим образом могли бы содействовать «исследованию» континента. В ноябре 1876 г. был учрежден Комитет изучения Верхнего Конго, в 1879 г. в регион был отправлен известный британско-американский путешественник Генри Мортон Стэнли, а к лету 1884 г. Леопольд уже установил контроль над большей частью бассейна. Озабоченный этим обстоятельством, германский канцлер Отто фон Бисмарк в циркулярной ноте от 24 сентября 1884 г. предложил провести в Берлине конференцию и обсудить вопросы установления свободы судоходства по р. Конго, распространения на реках Конго и Нигер правил свободной торговли и формирования принципов занятия «свободных» африканских земель. В духе той эпохи – эпохи великих географических открытий – российская пресса приписывала Леопольду II заслуги в «открытии» р. Конго и в исследовании прилегающих к ней земель. Стэнли обладал «замечательной предприимчивостью и энергией». Благодаря им он со своими помощниками основал на берегах Конго несколько торговых станций и поселений, что описывалось самыми радужными красками. Якобы назначение станций заключалось не в том, чтобы служить укреплениями для защиты от враждебных набегов со стороны окружающих «диких племен» или быть аванпостами для завоевания новых земель, а в том, чтобы служить «местами отдыха для путешественников всех стран без всякого различия национальностей» [6, с. 216].

Такую восторженность можно объяснить отсутствием информации о реальном положении дел: о том, что происходило в бассейне р. Конго, российское правительство и печать могли отслеживать лишь по европейским источникам, где рассказывалось о «цивилизаторской» миссии бельгийцев в регионе. На самом деле захват бельгийцами территории нынешней ДРК стал апофеозом колонизаторской политики в ее наихудших проявлениях. Это относится к способам создания и функционирования Свободного государства Конго – «личной вотчины» Леопольда II. Стэнли и его белые помощники присоединяли территории в основном путем обмана традиционных правителей и в буквальном смысле слова «огнем и мечом» [8]. В результате к середине 1880-х гг. вдоль р. Конго выстроился ряд бельгийских военных баз, защищавших колонизаторов от «туземцев» и осуществ-

влявших сбор слоновой кости. Если конголезцы сопротивлялись, их дома сжигались, женщины подвергались изнасилованию. Население колонии должно было содержать своих убийц [9, р. 90], что не помешало, как сообщается в № 18 журнала «Нива» за 1885 г., Леопольду II принять титул короля Конго. Специальный закон в начале 1885 г. был одобрен парламентом Бельгии [10, с. 435]. В мае того же года во время вручения Леопольду II благодарственного адреса от его сограждан бельгийский король пообещал «уничтожить невольничество и послужить делу цивилизации и торговли в Африке» [11, с. 459].

Однако беспокойство у Ф. Ф. Мартенса вызывало другое – то, что эти «мирные завоевания», осуществленные «без пролития крови», повлекли за собой серьезные разногласия между некоторыми европейскими правительствами, также признававшими за собой право на некоторые части р. Конго и на открытые от их имени области [6, с. 217]. Имеются в виду, прежде всего, Португалия и Франция.

Российские представители на конференции приветствовали ряд ее позитивных решений: запрет работорговли, проявление толерантности в отношении всех религий, содействие повышению уровня материального положения местного населения. Естественно, они не предполагали, что все так и останется на бумаге.

В российских корреспонденциях, касавшихся раздела Африки, отчетливо – в связи со сближением в отношениях между Санкт-Петербургом и Берлином и с расхождением по ряду вопросов европейской политики между тогдашним российским правительством и Лондоном – проявляются симпатия к Германии и ее «маститому» канцлеру Бисмарку и, напротив, осуждение британских экспансионистских настроений.

Например, в «Московских ведомостях» от 17 августа 1898 г. отмечается, что Германия, возглавляемая ее мудрым правителем, располагает «изобилующей минеральными богатствами Землей Людерица» в южной Африке, а по итогам конференции «приобрела» Камерун, бывший одним из важнейших торговых пунктов на западноафриканском побережье, на который Англия «давно точила зубы», но из-за своей нерасторопности уступила эту часть прибрежной полосы немецким негодьям. «Между тем торговые обороты господ Вермана и Янсона из Гамбурга за короткое время приняли в Камеруне такие размеры, что Англии оставалось или сделать решительный шаг, или отказаться от своих притязаний. Англия уже готова была присоединить эту полосу к своим Гвинейским владениям, как вдруг, совершенно неожиданно, германский военный корвет *Möwe* поднял в Камеруне германский имперский флаг, и генеральный консул Нахтигаль заключил с главарями местного населения формальный договор, в силу коего Камерун стал «имперской провинцией». Только тогда англичане сообразили, что имеют дело с опасным соперником, и поняли трудность предстоящей борьбы за преобладание на западе Аф-

рики. Германская торговля приняла здесь размеры уважительные, создав свыше шестидесяти факторий, принадлежащих четырнадцати крупнейшим фирмам». Пришлось Великобритании признать, что «Африка велика и что в ней всем будет место» [12, с. 427–428], и если прежде она занимала территории, сообразовываясь лишь с собственными интересами, теперь ей придется учитывать пожелания других держав. «А это означает ни более, ни менее того, что ей уже не быть более единовластной хозяйкой на морях...» [12, с. 526].

Далее анонимный автор статьи в «Московских ведомостях» от 16 октября 1884 г. отмечал, что строфа из известной британской патриотической песни «Правь (в «Московских ведомостях» – «Владей...». – *Прим. авт.*), Британия, морями!» по-прежнему может означать, что морские просторы открыты для английских судов, но впредь они будут открыты и для судов иных стран. Великобритания уже не будет по собственной прихоти препятствовать кому-либо пользоваться водными путями; моря станут достоянием всех наций. Корреспондент идет еще дальше, высказывая предположение, что едва ли не главной целью конференции было намерение по возможности отстранить Англию, привыкшую считать «своей собственностью не только моря, но и всякий ничей клочок земли вне Европы», от дележки «африканского каравая» [12, с. 585].

Конференция, по мнению российских корреспондентов, еще на стадии ее подготовки стала переломным моментом в истории Европы: во-первых, неожиданно образовался «союз центральных континентальных держав», в котором Германия объединилась с Францией, оставив Великобританию в изоляции; во-вторых, вопросы колониальной политики стали превалировать над внутренними европейскими и другие противоречия на время были забыты; в-третьих, американские представители оказались за столом в Берлине вместе с европейцами, обсуждая с ними отношения с Англией в той части света, которую еще совсем недавно считали «менее известной, чем поверхность луны»; в-четвертых, еще пару лет назад реки Конго и Нигер не имели никакого значения для мировой дипломатии, и вдруг споры об их эксплуатации стали создавать и раскалывать международные альянсы.

Через несколько десятилетий после Берлинской конференции Великобритания и Франция стали крупнейшими метрополиями и о масштабных колониальных амбициях Германии, утратившей после поражения в Первой мировой войне значительную часть африканских владений, стало забываться. Однако в 1880-е гг. Берлин еще претендовал на роль самого влиятельного игрока в определении европейской политики на Черном континенте.

В «Московских ведомостях» от 17 ноября 1884 г. (конференция открылась 19 ноября) указывалось, что к тому времени германская эскадра под командованием адмирала Эрнста Вильгельма Эдуарда фон

Кнорра без согласования с другими морскими державами вышла в море из порта Фуншал на острове Мадейра и направилась в Камерунский залив, чтобы затем достичь порта Бананá в устье р. Конго. Предполагалось, что германские военные корабли будут в течение года курсировать в том районе, чтобы предотвратить самовольную оккупацию бассейна великой реки другими европейскими игроками, прежде всего Португалией и Великобританией. Естественно, у несведущих участников конференции возникли опасения, что Берлин попытается установить контроль над судоходством по Конго. Выяснилось, что Бисмарк достиг сепаратного соглашения с бельгийским королем Леопольдом II, признал законность договоров, заключенных от имени бельгийской короны Г. М. Стэнли с местными традиционными правителями, и получил за это определенные торговые преференции [12, с. 594]. Под влиянием Бисмарка права Леопольда II на бассейн Конго были признаны, и в 1885 г. именно в Бананá прошла церемония, на которой было объявлено о создании Свободного государства Конго.

В уже упоминавшейся статье в «Вестнике Европы» (1885 г.) Ф. Ф. Мартенс со ссылками на германских публицистов объясняет неожиданно вспыхнувший интерес Бисмарка, ранее скептически относившегося к потенциальной отдаче от вложения человеческого и материального капиталов в создание колоний, быстрым ростом населения. Если в 1816 г. в Германии было всего около 25 млн жителей, то к 1880 г. – уже более 45 млн, а к 1885 – 47 млн. Поскольку прирост был связан с ростом рождаемости, можно было предположить, что к концу столетия число немцев достигнет 70 млн. «И где же было взять средства, – спрашивает Мартенс, – чтобы кормить все эти миллионы, если они останутся в пределах Германии?» [7, с. 539]. Общее экономическое состояние Германии, как указывает автор, не может не подталкивать ее к колониальным захватам: производительность труда достигла небывалого уровня, рынки переполнены товарами, конкуренция понизила цены настолько, что издержки производства не окупаются; сельское хозяйство страдает от конкуренции с иностранными производителями, несмотря на повышение в начале 1885 г. ввозных пошлин на хлеб; во всех отраслях промышленности предложение значительно превышает спрос на рабочую силу, поэтому множество инженеров и рабочих остается без дела. Даже представителей гуманитарных профессий наблюдается такой переизбыток, что потраченные на приобретение высшего образования силы и средства совсем не вознаграждаются, ибо полученные знания остаются без практического применения. Поэтому, как предполагал Мартенс, Бисмарк и принял решение переселять немцев в колонии, хотя сам германский канцлер постоянно утверждал, что эмиграция не в состоянии разрешить социально-экономический кризис, тем более что она сопровождается вывозом капиталов. Правда, в этом случае речь идет о переезде в США, куда с 1820 по 1883 г. выехало около 5 млн немцев. Переселение в собственные колонии – совсем другое дело: тогда средства

и способности эмигрантов послужат обогащению не иностранных держав, а собственной империи [7, с. 539]. Бассейн Конго, уже частично «цивилизованный» агентами Леопольда II, мог бы подойти для переселения туда сотен тысяч немцев, и такой вариант Бисмарком рассматривался, хотя создание собственных зависимых территорий (например, Камеруна) было приоритетным направлением его колониальной политики.

Между тем германские колонии в Африке, отмечает далее Мартенс, имеют самый «убийственный» для европейцев климат: «в африканском тропическом климате европеец не в состоянии работать <...> Область же Камеруна из всех областей на смертоносном западном берегу Африки – одна из наиболее опасных. Там свирепствуют постоянно и в самых злокачественных формах малярия, дизентерия, болезни печени. Недаром англичане говорят про свои западноафриканские колонии, что на пути в них (и из них. – *Прим. авт.*) всегда находятся два губернатора: одного привозят в Англию покойником, а другой туда отправляется, чтобы умереть!» [7, с. 539].

Но если Германия и страдала от переизбытка населения и потому была готова прибегнуть к такому радикальному средству решения проблемы, как истребление лишних «ртом» путем выселения немцев в Камерун или на берега р. Конго, задается вопросом Мартенс, то почему Франция прибегает к тому же средству? Ведь число французов уменьшилось за несколько лет почти на 200 тыс. человек. Парижу нет надобности жаловаться на избыток населения и вывозить излишек в смертоносные для европейцев тропические страны. Значит, объясняться все это может только жаждой наживы [7, с. 547].

При определении границ бассейна Конго возобладал т. н. Американский проект, продвигавшийся представителями США и Г. М. Стэнли. Между тем мнения по вопросу о том, как – по географическому принципу или с торговой точки зрения – определять границы, разделились. Второй принцип возобладал. Как отмечается в «Московских ведомостях» за 23 ноября 1884 г., делегация США с истинно американским размахом предложила распространить правила «свободной торговли», которые будут применяться на территории бассейна Конго, на весь Индийский океан, так как великая река «орошает» значительную часть земель Восточной Африки, а многочисленные озера и другие водоемы, расположенные в той половине континента, «все равно» будут служить основными путями вывоза товаров из центральной части континента. Впрочем, европейцы не обратили на предложение американцев особого внимания [12, с. 603].

Именно Бисмарк выступил с инициативами создания т. н. пояса африканских земель, который должен был протянуться параллельно экватору от океана до океана, и введения в его рамках правил «свободной торговли». Исполнение плана должно было обеспечиваться присутствием германских военных кораблей в устье Конго и германской эскадры у берегов Зан-

---

зибара. Как с иронией отмечает анонимный автор статьи в «Московских ведомостях» за 3 декабря 1884 г., можно было предположить, что державы, собравшиеся на совещание «с гуманной целью торгового освобождения “ничьих земель”», устремят свой взор и на африканское побережье Аденского залива и Красного моря, которое хотя фактически и находится под контролем Турции, но формально остается «ничейным». Европейцы действуют здесь по принципу «Не зевай!». Например, Франция «прозевала» в Баб-эль-Мандебском проливе остров Перим, который захватила Англия, в свою очередь обеспокоенная активностью в регионе итальянских быстроходных крейсеров [12, с. 624].

Хотя главным поводом к созыву Берлинской конференции был раздел бассейна р. Конго, другая африканская река – Нигер – также удостоилась внимания европейских держав. Ради сохранения хотя бы частичного контроля над ее бассейном Великобритания даже отказалась от ряда других претензий и была вознаграждена признанием ее Протектората над устьем Нигера. Однако то, в какой форме произошло признание британских прав на Нигер, не было «приятным» для Лондона: Франции досталась не меньшая часть его вод [12, с. 653].

В ходе подготовки и проведения конференции Россия не обозначила свои интересы в Африке, оставаясь внимательным наблюдателем. Ее интересы проявились в установлении тесных контактов с Абиссинией и в отношении к попыткам Италии колонизировать древнюю империю. И если в материалах, посвященных Берлинской конференции, звучит сочувствие колонизаторам, готовым ради прибылей умирать от малярии в тропиках, совсем другое отношение высказывалось в российской прессе конца XIX в. к колониальным устремлениям Италии в христианской Эфиопии, где Российская империя имела собственные интересы, заметно оживившиеся после открытия в 1869 г. Суэцкого канала.

Эфиопия и Сомали оказались на важнейших стратегических путях из Европы в Индию и страны Дальнего Востока, приобретая все большее значение в зоне Красноморья. О росте интереса свидетельствуют многочисленные статьи об Эфиопии в журналах «Вестник Европы», «Нива», «Новое время», «Нижегородские Ведомости», «Вестник Императорского Русского географического общества» и др. В 1880-е гг. страницы журналов и газет, массовых изданий для народа и путевых заметок первых русских путешественников были полны ссылками на близость русских и абиссинцев по вере, на «сильное тяготение» эфиопов к «православной России», на необходимость оказания помощи «единоверному нам маленькому народу» в борьбе против внешних врагов и т. д.

Неудивительным представляется возмущение российских корреспондентов тем, что при дележе Баб-эль-Мандебского пролива не учитывались интересы государства, права которого на побережье Красного моря «имели наибольшие основания», – Абиссинии [12, с. 639]. Слова участия, исполь-

зовавшиеся в российской прессе применительно к абиссинцам, породили в Европе толки о вероятном вмешательстве России в начавшийся дележ Красного моря. Именно после того, как в «Московских ведомостях» было впервые обращено внимание публики на эту проблему, западноевропейская общественность признала важность «фактора Абиссинии» в красно-морском и в восточноафриканском вопросах.

Роль России в их решении оценивалась по-разному. Со ссылкой на германскую газету «Reichsbote» «Московские ведомости» за 11 января 1885 г. указывают, что Германия усматривает в духовной связи Эфиопии с Россией «самое благоприятное условие для извлечения этой страны (Абиссинии. – *Прим. авт.*) из ее нравственного изолирования и введения ее в круг цивилизованных стран» и была бы не против обретения Россией протектората над нею. По мнению берлинского корреспондента «Московских ведомостей», в политических сферах Германии «помянутая идея показалась практической и многими встречена сочувственно» [13, с. 27].

Англия, как следовало ожидать, отнеслась к идее отрицательно. Между тем, как отмечает корреспондент, «нынешнее положение этой страны (Абиссинии. – *Прим. авт.*) потому, во-первых, требует русского внимания, что Красноморский вопрос уже поднят на деле, и странно было бы России остаться в стороне, нуждаясь наравне с другими державами в пути для своих судов из Средиземного моря к океанам; Абиссиния же лежит на этом пути. Но интересоваться ею мы имеем и другие причины: не говоря уже об интересах возможного торгового сближения, страна эта сама исстари тяготела к нам своими симпатиями, искала с нами сближения и даже просила нас о помощи против иноземного насилия. И эта последняя причина, почему Россия могла бы отнестись к Абиссинии с приятным вниманием, представляется русскому смыслу едва ли не самою уважительною. Стать на сторону Абиссинии было бы в настоящий момент тем более кстати, что государственной самостоятельности и территориальной неприкосновенности ее угрожает снова, как в 1868 году, серьезная опасность» [13, с. 27–28]. Имеются в виду итальянские колониальные притязания.

Все эти рассуждения привели к началу систематического изучения Абиссинии и к публикации материалов о ней в российских СМИ и других изданиях, появились исследования священника Павла Матвеевского [14], В. В. Болотова [15], Е. Е. Долганева [16] и др.

К 1895 г. между Эфиопией и Россией завязались дружественные отношения. После 1895 г. в Абиссинии заметно увеличилось количество российских граждан: путешественников и специалистов. Начавшаяся в 1895 г. война Италии с Абиссинией вызывала сочувствие в русском обществе, и на Африканский Рог устремились добровольцы, желавшие оказать помощь африканской стране. Итогом стало установление в 1898 г. постоянных – на уровне миссий – дипломатических отношений.

2 марта 1896 г. воины негуса (императора) Менелика II нанесли сокрушительное поражение итальянской армии в знаменитом сражении при Адуа. В статье «Поражение итальянских войск при Адуа», опубликованной в 4-м номере журнала «Вестник Европы» за 1896 г., подробно рассказывалось о стратегических умениях негуса и других его достоинствах. С некоторым сожалением в ней говорилось о том, что Менелик и его окружение не спешили воспользоваться результатами блестящего успеха, не преследовали разбитые неприятельские силы и не довершили их полный разгром вторжением в итальянские владения; они позволили побежденным прийти в себя и даже согласились вступить с ними в переговоры о мире на возможных для Италии основаниях [17, с. 859].

Вскоре после сражения от России обеим сторонам поступило предложение об оказании медицинской помощи раненым. Италия ответила отказом, Менелик II с радостью согласился. 15 марта 1896 г. на заседании главного управления общества Красного Креста было принято решение отправить в Эфиопию санитарный отряд для оказания помощи больным и раненым эфиопским солдатам. Журнал «Нива» подробно описывал деятельность отряда, численность которого достигала 61 человека. 22 марта 1896 г. было получено согласие Италии пропустить отряд через Массаяу. Однако позднее итальянская сторона «из желания не раздражать итальянское общественное мнение» отказалась выполнить это обязательство под тем предлогом, что, «как стало известно», в составе русского отряда находятся 4 офицера и 200 солдат для вступления в абиссинскую армию. В результате изменился маршрут отряда: решено было двигаться через Джибути «на тысячи верст через пустыни и горные хребты, без дорог» [18, с. 379]. Это был первый в истории отряд российских воинов-интернационалистов в Африке, принявший участие в антиколониальной борьбе местного населения.

***

Итоги Берлинской конференции получили в российской печати конца XIX в. неоднозначную оценку. Так, в материале о ней, размещенном в «Московских ведомостях» 18 февраля 1885 г., утверждалось, что «если бы князь Бисмарк не считал нужным в конце прошлого года приступить к освоению германских колоний в Африке и если бы Германия не столкнулась с Великобританией, то, конечно, представители великих держав были бы лишены удовольствия заседать за зеленым столом конференции, а Англия, а вместе с нею, быть может, и Франция, продолжали бы по своему усмотрению и без разных пустых формальностей провозглашать протектораты над разными африканскими областями и водворять в них цивилизацию путем правильной организации невольничества, которое, по отзывам лиц сведущих, необходимо для успешной эксплуатации новоприсоединенных колоний. Теперь дело захвата будет обставлено не-

которыми формальностями, и появится надобность маскировать грубый захват разными дипломатическими формулами» [19, с. 93].

Но зачем же тогда – задается газета вопросом – нужна эта конференция со всем ее сложным механизмом, к чему ломание головы над точным определением понятия «протектората» и другими дипломатическими задачами, обсуждавшимися со старанием? «Ответ на этот вопрос очень прост: все это, собственно, не нужно и не поведет к положительным результатам. Велемудрые разглагольствования участников конференции понадобились лишь затем, чтобы выяснить силы и шансы соперников» [19, с. 93].

В свою очередь, в упоминавшейся статье Ф. Ф. Мартенса Берлинская конференция «по своему всемирному значению» сравнивается с Венским конгрессом 1814–1815 гг., определившим новую расстановку сил в Европе, сложившуюся после окончания наполеоновских войн.

Реакция России на колониальный раздел Африки не была однозначной. В контексте раздела бассейна Конго Россия, выступая против рабства и экономической эксплуатации африканцев, одновременно благосклонно воспринимала заявленную западными странами цивилизаторскую миссию и больше переживала за то, что при прочерчивании границ они передерутся между собой, а это приведет к нестабильности во всем мире, прежде всего в Европе и Азии. В ситуации с христианской Эфиопией Россия с самого начала выступала против ее колонизации Италией и не только на словах, но и на деле оказывала ей военную и материальную помощь. Такую двойственность можно объяснить близостью российского трона к королевским домам Европы, нежеланием портить с ними отношения из-за Африки, которая тогда не представляла для России большого интереса, а также отсутствием сведений о поведении колонизаторов на Черном континенте. Объективная информация стала появляться намного позже.

Ссылки

1. Генин И. А. Империалистическая борьба за Сахару. М.: Вост. лит., 1962. 212 с.
2. Зусманович А. З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876–1894 гг.). М.: Вост. лит., 1962. 356 с.
3. Субботин В. А. Французская колониальная экспансия в конце XIX в. (Экваториальная Африка и острова Индийского океана). М.: Вост. лит., 1962. 167 с.
4. Фитуни Л. Л. Довести до конца процесс деколонизации (К 60-летию принятия Декларации ООН о деколонизации) // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 4. С. 5-17. DOI 10.31132/2412-5717-2020-53-4-5-17.
5. Африка: неоплаченный долг колонизаторов. М.: Институт Африки РАН, 2023. 122 с.
6. Мартенс Ф. Ф. Африканская конференция в Берлине. Колониальная политика современных государств // Вестник Европы. 1885. Т. 6, ноябрь. С. 186–224.

7. Мартенс Ф. Ф. Африканская конференция в Берлине. Колониальная политика современных государств (Окончание) // Вестник Европы. 1885. Т. 6, декабрь. С. 512–552.
8. Сидорова Г. М. Бельгия: история освоения Африки // ЭНОЖ. «История». 2023. Т. 14, № 523. DOI 10.18254/S207987840025641-4.
9. Hochschild A. King Leopold's Ghost. A Story of Greed, Terror, and Heroism in Colonial Africa. Boston, N.Y.: A Mariner Book, 1998. 690 с.
10. Политическое обозрение // Нива. 1885. № 18. С. 434–435.
11. Политическое обозрение // Нива. 1885. № 19. С. 459.
12. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. № 12, 11 янв. С. 427–428.
13. Московские ведомости. 1885. № 12, 11 янв. С. 27–28.
14. Матвеевский П. Христианство в Абиссинии. Санкт-Петербург: Типография духовного журнала «Странник», 1867. 12 с.
15. Болотов В. В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. К вопросу о соединении абиссин с Православной Церковью. Богословские споры в эфиопской церкви. Санкт-Петербург: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. 111 с.
16. Долганев Е. Е. Страна эфиопов (Абиссиния). Санкт-Петербург: Паровая скоропечатня И. А. Богельманъ (Невский, 148), 1896. 245 с.
17. Поражение итальянских войск при Адуа. Иностранное обозрение. 1 апреля 1896 г. // Вестник Европы. 1896. Т. 2, кн. 4, апрель. С. 858–861.
18. Политическое обозрение // Нива. 1896. № 16. С. 379. URL: https://runivers.ru/upload/iblock/0e2/Niva_tom_055_1896.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
19. Московские ведомости. 1885. 18 февр., № 49. С. 93 // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Издание С. П. Катковой, 1897–1898. Т. 25. 664 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/366303> (дата обращения: 20.09.2024).